
НАУМ ГРЕБНЕВ – ПЕРЕВОДЧИК АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

МАГДА ДЖАНПОЛАДЯН

В плеяду русских переводчиков прошлого столетия, творчески тесно связанных с армянской поэзией, вошло и имя Наума Исаевича Гребнева (1921-1988). Своими переводами Н.Гребнев открыл русскому читателю многие страницы армянской народной, средневековой и новой классической поэзии.

Наум Гребнев обратился к армянской поэзии во второй половине 60-х годов, будучи уже признанным мастером, автором широко известных переводов из Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, фольклора среднеазиатских и северокавказских народов. К этой работе его приобщил Левон Мкртчян, развернувший в то время активную деятельность, целью которой было как можно шире и полнее представить русскому и всесоюзному читателю нашу поэзию в новых, качественных переводах. Наиболее точную и документально подтвержденную картину процесса работы Гребнева помогает воссоздать статья Каринэ Саакянц «Из архива Левона Мкртчяна. Письма Наума Гребнева Л. Мкртчяну»¹. По этой публикации становится очевидным, что, дав согласие на предложение Л. Мкртчяна переводить армянскую поэзию, Гребнев собирался в первую очередь перевести народные песни. «Если я действительно переведу книгу армянского фольклора, – писал он в мае 1966 года, – осуществится моя давняя мечта»(с. 29). А из письма, датированного 24 июня, становится ясно, что Гребнев уже получил подстрочники. «Стихи, которые прислали Вы, прекрасны, – пишет он. – Я молю (не знаю, кого молят в таких ситуациях), чтобы меня озарило вдохновение, в какой-то, пусть даже очень в малой мере соразмерное вдохновению, озарившему когда-то создателей этих песен»(с.29). В последующих письмах Н.Гребнев обсуждает с Л.Мкртчяном состав книги, ее название. ««Прапесня» – название, по-моему, хорошее. Давайте остановимся на нем».

В апреле 1967 года Гребнев впервые приехал в Армению, чтобы подышать воздухом страны, поэзию которой он переводит, глубже проникнуть в ее дух, в ее историю, культуру. В эти дни и состоялась беседа Л.Мкртчяна с Н.Гребневым о проблемах перевода, позже опубликованная

¹ Саакянц К. Из архива Левона Мкртчяна. Письма Наума Гребнева Л. Мкртчяну. «Вестник Ереванского университета. Русская филология». Ер., 2015, № 3, с. 28-51. При ссылках на данную статью страницы указываются в тексте.

в газете «Литературная Россия»². Из этой статьи-диалога выясняется, что Гребнев уже в то время работал и над переводами айренов поэта XVI века Наапета Кучака. И случилось так, что айрены оказались первой изданной в Армении переводческой работой Гребнева. Его Кучак с предисловием Л. Мкртчяна вышел в свет в 1968 году, тогда как «Прапесня» – в 1970-м. Так что история гребневских переводов армянской поэзии восходит к книге: **Наапет Кучак**. Айрены. Ереван, «Айастан», 1968.

Айрены переводились на русский язык и до Гребнева, в разные годы, разными авторами³. Открытием «русского» Кучака стали переводы Веры Звягинцевой⁴. Гребнева привлекла к работе над Кучаком не роль первооткрывателя, а естественное для каждого поэта-переводчика стремление по-своему воссоздать то, что взволновало.

Гребневу предстояло проникнуть в совершенно новый, незнакомый для него мир – армянское средневековье, понять особенности стиля, образного строя айренов. По своему языку и стилю айрены ясны, незамысловаты. Но в простых, ясных, таких бесхитростных словах и образах айренов таится огромное богатство человеческих чувств, и в этом – их поэтическое очарование. Поэтому и трудно переводить айрены, ибо на ином языке поэтичность оригинала может легко исчезнуть, обернуться прозаизмом. Главное достоинство гребневских переводов в том, что в них воссоздана самая суть поэзии айренов – их удивительная непосредственность, эмоциональная насыщенность. Переводчик по-своему оживил изумительный мир поэзии Кучака – мир жарких чувств, тончайших движений человеческой души, прорывающихся в виде намека, или шутки, или откровенного признания, – мир естественных, живых образов, слов и поступков:

*Ловчий сокол я с красным кольцом,
Ты – залетная голубица.
Я заметил твой след с трудом,
Я ловлю – ты не хочешь ловиться.
Человеческим языком
Говоришь ты: «Что зря трудиться?
Не охоться за мною днем,
Будет ночь, я – ночная птица!»⁵.*

За многие годы, отданные переводческому труду, у Гребнева сложилось четкое представление о роли и целях этого искусства. В предисловии к своей книге избранных переводов он сказал об этом так: «Перед

² Мкртчян Л. Еще о переводах. «Литературная Россия», М., 1967, 19 мая, № 21.

³ Об истории русских переводов Кучака см. в кн. Л. Мкртчяна «Армянская поэзия и русские поэты XIX-XX вв.». Ер., 1968, сс.267-283.

⁴ Наапет Кучак. Лирика. Перевод с армянского В. Звягинцевой. М., 1961.

⁵ Наапет Кучак. Айрены. Ер., 1968, с. 58. Гребневские переводы, кроме отдельно отмеченных, цитируются по данному, первому их изданию.

переводчиком стоит много задач, и главная из них – заставить произведение жить на языке перевода второй жизнью, жизнью столь естественной и полнокровной, чтобы перевод того или иного произведения воздействовал на своих читателей так же, как воздействует это произведение на тех, кто читает его в оригинале. Из многих условий, которые должен выполнить переводчик, это условие главное. Без его соблюдения следование всем другим условиям и требованиям значения не имеет»⁶. Своему творческому кредо переводчик следовал и в работе над айренами Кучака. Сравнение переводов с оригиналами показывает, что порой Гребневу удается воссоздать их поэтическую силу, сохраняя при этом максимальную лексико-стилистическую близость подлиннику. Вот один из таких примеров (оригинал и перевод):

<i>Մըտիկ իմ էարին արէք, զինչ հազէր ամէն է կանանչ, Հազէր գոյնըգոյն կապայ, կոճակ ու օղակն է կանանչ. Առէր ու փաղջան մըտէր, ջուր կ'երթայ, եզերն է կանանչ. Մըտիկ ծառերուն արէք, ծառն ծաղկէր, տերեւն է կանանչ⁷:</i>	<i>На любимую бросьте взгляд: Как к лицу наряд ей зеленый! Сверху пуговицы горят Наподобье огней зеленых. Обнялись и вошли мы в сад, Там петляет ручей зеленый. Там большие деревья стоят, Цвет листвы и ветвей – зеленый. (с.153)</i>
--	--

Айрен воссоздан Гребневым с почти дословной точностью, и при этом не утеряно его художественное обаяние: перевод дышит той же свежестью воспетого Кучаком чувства, озарившего, преобразившего всё вокруг... Можно привести и другие подобные примеры. Но нередко в переводе оказывается невозможным передать художественную силу подлинника, оставаясь в то же время дословно близким ему лексически. И в переводах айренов Гребнев допускает определенную свободу в выборе слов, образов, порой добавляя от себя отдельные детали, даже строки. В каких границах позволяет себе переводчик отклонения от оригинала? Свое мнение по этому вопросу Гребнев высказал в упомянутой беседе с Л. Мкртчяном: «Меру вольности, допустимой для переводчика, я для себя сформулировал бы так: переводчик имеет право вынести в текст перевода то, что было в подтексте подлинника, и наоборот: спрятать в подтекст перевода то, что было в тексте подлинника. Я считаю, что такова граница переводческой вольности». При этом переводчик всякий раз руководствуется следующими принципами: 1. исходить в своих решениях из

⁶ Гребнев Н.И. Вторая жизнь. Книга переводов. М., 1985, с.5.

⁷ Наапет Кучак. Сто и один айрен. Ер., 1975, с. 132. Оригиналы цитируются по данному двуязычному изданию айренов с указанием страниц.

стихии русского языка (на который и осуществляется перевод), учитывать, как тот или иной образ, то или иное сравнение «приживутся» на инонациональной почве. Ибо главное для него – чтобы перевод и на русском языке звучал как поэзия; 2. сохранять верность не только тексту и подтексту данного айрена, но и миру переводимого поэта в целом – с характерными для него мотивами и образами.

Гребнев лексически отдалается от оригинала в тех случаях, когда дословный перевод звучит по-русски грубо, прозаично и убивает поэзию. В беседе с Л. Мкртчяном сам переводчик приводит такой пример: «В подлиннике айрена «Как завидую я лампадам...» герой завидует им, потому что они хоть и горят, но иногда гаснут, меж тем как герой песни «горит» все время. В подлиннике сказано, что «фитиль по печени проходит». Это очень идиоматично, и по-русски сказать так было бы нехорошо, хотя сделать это нетрудно. У меня же говорится, что влюбленному очень плохо, что любовь его превратилась в ад. Это все есть в подтексте подлинника. Я считаю, что перевел близко. Как раз с той мерой замены текста подтекстом и наоборот, о которой я говорил выше». Гребнев приводит и пример, связанный с переводом айрена «Ложь твое – белый храм», где он удлинил текст на одну строку. «Это я сделал, – объясняет он, – чтобы как можно точнее передать мысль подлинника. Позволил я себе это еще и потому, что есть айрены, в которых количество строк больше, чем восемь. Конечно, если бы я переводил какую-либо строгую форму, например, сонет, изменять количество строк было бы недопустимо».

Для Гребнева-переводчика главное – воссоздать естественность стиха оригинала. «При всем лаконизме айренов, – заметил он, – в них «дышится» очень свободно». Это «свободное дыхание» сохраняется в его переводах даже в тех случаях, когда он заостряет определенные мотивы, добавляет от себя отдельные слова или строки. Допуская подобные отклонения, переводчик остается в пределах характерной для айренов системы образов, особенностей их языка, стиля. Он старается быть верным поэтическому миру Кучака в целом. «Вольность» Гребнева продиктована стремлением как можно ярче выразить в переводе поэтическую силу подлинника, а воссоздавая её, он исходит из стихии русского языка и, конечно же, из своего прочтения айренов. Как и каждый истинный переводчик, он пропускает оригинал через призму своего восприятия, согревает своим вдохновением. И нельзя не уловить в гребневских «вольностях» его собственное лицо, его творческую индивидуальность. Чтобы особенности гребневской интерпретации предстали нагляднее, сравним два русских перевода одного и того же айрена (оригинал и переводы В. Звягинцевой и Н. Гребнева):

Եւ շար շապիկ լինէի,
 'ւ ի անձինդ վերա կանգնէի,
 Ոսկով 'ւ ապրրշում կոճկեկ,
 որ շրլնիդ ի գիրկ ածէի,
 Կամ ջուր կամ նրոան գինի,
 որ ի քո կրթդաղ կենայի,
 Ան' իր, բերանդդ դրնէիր,
 ցածնայի, գրունչդդ ւազնէի: (с. 183)

<i>Плотном твоей рубашки</i>	<i>Мне б рубашкою стать льняною,</i>
<i>я хотел бы стать отныне,</i>	<i>Чтобы тело твое обтянуть,</i>
<i>Башмачком твоим узорным,</i>	<i>Стать бы пуговкой золотою,</i>
<i>травы топчущим в долине,</i>	<i>Чтобы к шее твоей прильнуть.</i>
<i>Или лучше стать водою</i>	<i>Мне бы влагою стать хмельною</i>
<i>в глиняном твоём кувшине,</i>	<i>Иль гранатовою водою,</i>
<i>Капелькой на подбородке</i>	<i>Чтоб пролиться хоть каплей одною</i>
<i>и на губ твоих рубине</i> ⁸ .	<i>На твою белоснежную грудь. (с.103)</i>

И Звягинцева, и Гребнев воссоздали поэтическое обаяние айрена, но нетрудно заметить, что гребневский перевод эмоционально насыщеннее – и своей экспрессивной интонацией, и образами. Об этом же говорят замены, которые ввели в свой текст оба переводчика. У Звягинцевой появился отсутствующий в оригинале «узорный башмачок, травы топчущий в долине», а образ воды конкретизируется: «в глиняном твоём кувшине». Эти замены стилистически нейтральны. Кроме того, содержание второй и четвертой строк айрена, выражающих горячие чувства лирического героя, у Звягинцевой не передано: вторая строка ушла в подтекст, а четвертая исчезла вследствие замены «шелковой с золотом пуговки» на «узорный башмачок», что несколько ослабило эмоциональный накал подлинника⁹. В этом плане у Гребнева потерь нет; более того, «жар» кучаковских строк усиливается у него в конце айрена, где появляется отсутствующий в оригинале образ «белоснежной груди». Однако это несколько не диссонирует ни с данным текстом, ни с образным миром айренов в целом: у Кучака довольно часто встречается этот образ. «Нет такого сладостного сравнения, которое Кучак не нашел бы для женской груди»¹⁰, – заметил известный русский критик Станислав Рассадин. Так что, вполне гармонируя с миром Кучака, введенный Гребневым образ «работает» на эмоциональную выразительность текста. Ярко выраженная эмоциональность – вообще характерная черта гребневских переводов Кучака. Он не только создает в

⁸ Наапет Кучак. Лирика. В переводах В. Звягинцевой. М., 1961, с. 30.

⁹ Разумеется, цитируемый перевод вовсе не является мериллом всей работы В.Звягинцевой – переводчицы айренов. Ее перу принадлежит немало прекрасных переводов из Кучака.

¹⁰ Рассадин С. Неистовый Кучак. - В кн.: "Цена гармонии". Ер., 1976, с. 28-29.

этом плане адекватные оригиналам образцы, но и порой даже сгущает, эмоционально более насыщает перевод в сравнении с оригиналом. По своему интерпретируя переводимого поэта, Гребнев не искажает, а более заостряет определенные черты его лирики. Но это – право переводчика, который не может (особенно в переводах поэзии) быть абсолютно беспристрастным, незаметным.

В целом у Гребнева немало лексических отклонений от подлинника. **Но какова та художественная нагрузка, которую несут на себе эти отклонения в каждом конкретном случае?** – вот как, на наш взгляд, должен быть поставлен вопрос. Ведь каждый айрен – это самостоятельное произведение, художественная целостность, где взаимосвязаны все детали – как имеющиеся в оригинале, так и привнесенные переводчиком, и то, как они соотносятся друг с другом, какую роль выполняют введенные переводчиком слова и образы, должно определяться исходя из каждого отдельного образца. Думается, у Гребнева немало переводов (назовем хотя бы такие айрены, как «Не нужна ты мне, не нужна...», «Пред тобою я, мой желанный...», «На любимую бросьте взгляд...», «Милый мой, мне принесший зло...», «Как завидую я лампадам...», «Как нам быть, все про нас говорят...», «Ты не яблоко ли багряное...», «Ах, любовь, с тобой пропадешь...», «Черноброва ты, тонкостанна...», «Боже, что от меня хотят...», «Мне б рубашкою стать льняною...», «Что ты белые щеки румянишь...» и др.), где привнесенные переводчиком отдельные детали ненавязчивы; они органически вписываются в контекст, «работая» на воссоздание естественности, поэтичности, эмоционального богатства подлинников.

Переводы Гребнева, конечно же, не лишены недостатков. Порой они многословны, содержат в себе несущественные детали и образы.

Однако не отдельные неудачи определяют лицо гребневского Кучака. К тому же переводчик продолжал свою работу над айренами и после первого их издания. По ряду последующих изданий, в которые вошли и гребневские переводы, можно проследить характер некоторых замен, внесенных переводчиком в свои тексты. Прежде всего, он старался добиться большей лаконичности, поэтому сократил некоторые айрены на одну-две строки (если это не наносило ущерба художественности): переводы стали от этого композиционно стройнее, выразительнее. Гребнев также совершенствовал свои переводы, стараясь достичь по возможности большей лексической адекватности в передаче содержания, настроения оригинала; найти наиболее верные в смысловом и стилистическом отношении слова и образы.

Благодаря гребневским переводам состоялось новое рождение «русского» Кучака. Однако в самой Армении сборник 1968 года вызвал не только положительные оценки. В литературной среде шли разговоры о том, что это вольные переводы, что они далеки от подлинников. Каринэ

Саакянц в своей публикации «Из архива Левона Мкртчяна: Мария Петровых – редактор русских изданий армянской поэзии» приводит отрывок из письма М. Петровых Л. Мкртчяну, датированное началом ноября 1971 года, когда она редактировала переводы для готовящейся в Ленинграде к изданию антологии «Армянская средневековая лирика»: «Нёму (Наума Гребнева – М.Д.) прошу привезти мне подстрочники Кучака – хочу понять – в чем дело. Почему Наири приходил в ярость от гребневского Кучака, насколько его – и не только его – гнев был справедливым. Мне гребневский Кучак в основном очень нравится, но я с подлинниками не сличала»¹¹.

Думается, главным критерием, определяющим качество гребневских переводов, должно быть не восприятие некоторых армянских литераторов, которые, читая перевод, чаще всего вспоминали оригинал и хотели увидеть в переводе дословное воспроизведение подлинника, а отзывы русского читателя, для кого и предназначалась эта работа. И примечательно, что в русских критических откликах на издание 1968 года (не говоря уже о более поздних русских изданиях айренов, где отдельные гребневские переводы предстали в переработанном виде) нет ни одного наблюдения или замечания, говорящего о том, что Гребнев заслонил своей индивидуальной манерой своеобразный кучаковский поэтический мир. Более того, русские критики своими тонкими и ценными наблюдениями углубили и обогатили литературно-критическую мысль о Кучаке. Так, Инна Ростовцева в своей рецензии на первое издание гребневских переводов Кучака писала: «В этих песнях любви – айренах, рожденных армянским Ренессансом и напетых певцом Кучаком, равноправно бьются два голоса – его и её. Иногда они сходятся в одном стихотворении, в одной строке, как грани единого образа... Иногда они соединяются в диалоге: он спрашивает, она отвечает, он загадывает, она отгадывает... Иногда вопрос остается без ответа... Эти змеиные ходы любви, с такой тонкостью, многообразием и свободой прослеженные Кучаком, несут в себе противоречивые чувства, принадлежащие всем временам. Уже в средние века поэт зажег огонь любви – образ, который затем пройдет через всю мировую лирику. ...Но пылающее любовью сердце растопляет сумрак средневековья, дает новое освещение предметам, и прежде всего самому человеку»¹².

Очень интересна и ценна рецензия на это же издание известного осетинского поэта Нафи Джусойты с характерным названием – «Свет через века». «Поэзия Кучака – пишет автор, – источник такой силы, который сквозь века не только светит, но и греет. Читаю Кучака – и меня все время

¹¹ Саакянц К. Из архива Левона Мкртчяна: Мария Петровых – редактор русских изданий армянской поэзии. «Вестник Ереванского университета. Русская филология», Ер., 2015, № 2, с. 33. В примечании к цитируемому письму указано, что Наири – это поэт Наири Зарьян. «Айрены Кучака в переводе Гребнева, изданные в Ереване в 1968 году, – отмечает К. Саакянц, – литературными кругами Армении были приняты неоднозначно. И поэт Наири Зарьян был в числе тех, кто обрушился на них с критикой» (там же).

¹² Ростовцева И. Неувядаемость айренов. – «Литературная газета», 1969, 21 мая.

не покидает ощущение присутствия третьего, незримого существа с нелепым враждебным видом. Поэзия Кучака – его айрены любви – своеобразный диалог двух влюбленных, равноправных и прекрасных истинностью и подлинностью, силой и человечностью своего чувства, но к их диалогу все время молчаливо прислушивается некто третий, какой-то сумрачный соглядатай. ...Этот некто – косность среды, ее предрассудки, бытовые, этические и социальные. Они стараются умертвить все живое и прекрасное в человеческом сердце. Любовь чистая, искренняя, человеческая, свободная от предрассудков – для них грех перед людьми и богом... Кучак-бунтарь, Кучак-протестант отвергает предрассудки среды, утверждая новую этику, новый идеал красоты человеческих отношений». Примечательно, что Н. Джусойты отметил и особенности поэтики Кучака: «Он дерзок и смел как художник. ...Он изъясняется на языке подлинных чувств, просто и откровенно... Кучак и в поэтике проявляет натуру бунтарскую. Его сравнения и метафоры порой восхищают своей необычной дерзостью фантазии и в то же время реалистической предметностью»¹³.

Заметим также, что в последующих русских изданиях Кучака (они указаны выше), где представлены разные переводчики айренов (В. Брюсов, Ф. Сологуб, А. Адалис, П. Антокольский, В. Звягинцева, В. Микушевич, А. Кушнер), гребневским переводам отведено значительное место. А в литературно-критических статьях, связанных уже с этими изданиями, авторы высказывают свои мысли о ярком и неповторимом поэтическом мире Кучака, довольно часто подтверждая их именно переводами Гребнева¹⁴.

* * *

В 1969 году широко отмечалось 100-летие Ованеса Туманяна. Для ереванского юбилейного русского трехтомника поэта (составители – Левон Ахвердян и Левон Мкртчян) Гребневу было предложено перевести четверостишия, несколько стихотворений, а также балладу «Смерть мышонка». Эти произведения различны не только в жанровом, но и в стилистическом отношении. «Смерть мышонка» – обработка фольклорного сюжета, и этой балладе стилистически близки некоторые переведенные Гребневым стихотворения, в том числе и детские, помеченные подзаголовком «народное» («Плач куропатки», «Аист» и др.).

В «Смерти мышонка», почти целиком построенной на диалогах, превалирует народная разговорная стихия. Сочность, яркость, живость народной речи, богатой идиомами, восклицаниями, сочетается у Туманяна с динамичностью, картинностью описаний. Своеобразна и форма баллады. Она начинается прозаическим отрывком и содержит несколько про-

¹³ Джусойты Н. Свет через века. «Дружба народов», 1969, № 2, с. 272-273.

¹⁴ См.: Кулиев К. Наапет Кучак – великий лирик. В кн.: Наапет Кучак. Лирика. Айрены. М., 1972, с. 3-17; Рассадин Ст. Неистовый Кучак. «Литературная Армения», 1973, № 3. То же в кн.: Рассадин Ст. Цена гармонии. Ер., 1976, с. 26-45 и др.

заических вкраплений, указывающих на смену действия, к примеру: «ճառք փափ», «զրէրի փափ», «ըրէրի փափ»... Само же повествование ведется ритмически организованным, но в целом нерифмованным стихом (рифмуются лишь отдельные строки), содержащим при этом множество созвучий внутри строк. Гребнев, как всегда творчески подходя к работе, сохранил прозаическое начало баллады, но нерифмованные строки зарифмовал, чем воссоздал звуковое богатство оригинала, обусловленное наличием созвучий в строках. Рифма помогла Гребневу воспроизвести выразительную силу подлинника. Одновременно по возможности он использует и звукопись, и внутреннюю рифму:

*– Неужели, неужели
На земле Мышонка нет? –
Грустно ветки закрипели
Перепелочке в ответ.*

*Стал могучий дуб качаться,
Сокрушаться, убиваться:
– Вай, утрата велика! –
С горя начали ломаться
Ветки дуба-старика¹⁵.*

Ярко и выразительно звучит в переводе и конец баллады, где еще раз озвучена одна из характерных тем туманяновского творчества – тема человеческой глупости: смерть Мышонка, которого вначале оплакивал лишь его друг Воробушек, воспринимается теперь уже целым селением, народом как величайшая трагедия, и она толкает людей к самоубийству:

*«Вай!» – запричитали люди,
«Горе нам! – сказали люди, –
Как на свете жить мы будем
Без Мышонка своего?»*

*Все помчались торопливо,
В воду бросились с обрыва,
Не осталось никого,
Не осталось ничего! (с. 236)*

Из стихотворений Туманяна, переведенных Гребневым, выделяется «Оплакивание». Это стихотворение-реквием, посвященное памяти жертв Геноцида армян 1915 года. Гребневу ещё и как сыну еврейского народа, подвергшегося массовому уничтожению в годы войны, была очень близка эта тема. Сам Гребнев был участником войны. В «Послесловии переводчика» к книге еврейской народной поэзии «Песни былого» он писал: «В то время, когда заканчивалась Сталинградская битва, уже в течение нескольких лет осуществлялась нацистская идея об уничтожении покоренных народов, так называемых низших рас, и в том числе об окончательном решении еврейского вопроса. ...На полную мощность работали газовни и крематории, и миллионы людей, загнанные в лагеря и гетто, ждали своей очереди»¹⁶. Глубоко прочувствовав тему стихотворения Туманяна, Греб-

¹⁵ Туманян. Ов. Избранные произведения в трех томах. Т. 1. Ер., 1969, с. 231. Переводы цитируются по данному изданию с указанием в тексте страниц тома.

¹⁶ «Песни былого». Из еврейской народной поэзии. Переводы Наума Гребнева. М., 1986, с. 308.

нев воспроизвел его с адекватной эмоциональной, художественной силой. Заметим, что перевод «Оплакивания» требовал совершенно иных по сравнению со «Смертью мышонка» стилистических средств: мерной, неторопливой, трагически-суровой интонации, скорбно-торжественного слога (размер: 15-сложник – 5+5+5). Так и звучит это стихотворение по-русски, исполненное 7-стопным ямбом – 4+3. Приведем начальные строки оригинала и перевода:

*Ու վեր կացա եւ, որ վեր հայրենի օրէնքովը հին՝
 Վերջին հանգիստը կարդամ իմ ազգի անբախտ զոհերին,
 Որ շէն ու քաղաք, որ սար ու հովիտ, ծովից մինչև ծով
 Մարած են, մեռած, փրոշած ու ցրտած հազար հազարով...
 Ու կրրա՛յ տա հայոց հրդեհի կարմիր բոցերից,
 Էն իսաղաղ ու պաղ երկնքի ծոցում վառեցի նորից
 Մաւիւն ու Արան, Միփանն ու Սրբմանց, Նեմրոյ, Թաւրուրեր,
 Հայոց աշխարհի մեծ կերոնները վառեցի մեկ-մեկ...¹⁷*

*Я встал над вами для того, чтоб тихо молвить слово
 Вам, мученики моего народа дорогого!
 Вас тьмы осталось на полях от моря и до моря,
 И в смертный час в глазах у вас окаменело горе.
 Я взял огонь моих речей со дна души скорбящей,
 От пепла жаркого моей земли кровоточащей.
 Масис, Намрут и Тандурек – вершины снеговые –
 Зажег я – скорбный человек – как свечи восковые... (1, 100)*

А вот и заключительные строки перевода:

*Мир праху, сироты мои, нет окончания бедам –
 Как в век нещерный, человек остался людоедом. (1, 101)*

В переводе воссоздана поэтическая мощь оригинала, где с такой силой отразилась трагедия армянского народа... Примечательно, что Нафи Джусойты, прочитав «Оплакивание» в переводе Гребнева, охарактеризовал это стихотворение как «величаво-скорбный шаракан, поминальную песню невероятной силы, подобно хору древнегреческой трагедии»¹⁸. Эти слова говорят о том, что перевод оказал на русского читателя то же эмоциональное воздействие, что и подлинник.

И «Смерть мышонка», и ряд стихотворений Туманяна, в том числе «Оплакивание», были переведены Гребневым на русский язык впервые.

¹⁷ Туманян Ов. ПСС в 10 томах. Т. 1, Ер., 1988, с. 279 (на арм. яз). Далее цитаты по данному академическому изданию с указанием в тексте тома и страницы.

¹⁸ Джусойты Н. Он смотрел на мир, как солнце... В сб.: «Туманян – 100. Юбилейная летопись». Ер., 1974, с. 348.

Что касается четверостиший, то они и до этого неоднократно переводились. Четверостишия – особый жанр туманяновского творчества. Созданные в основном в последние годы жизни поэта, они стали своеобразным итогом пережитого и передуманного им. Здесь – ответ глубокой мудрости Туманяна, его сокровенные мысли о родине, жизни и человеке, его стремление понять неразгаданные тайны природы, вечности, вселенной... Написаны четверостишия обычным для туманяновского стиля ясным, лишенным «высоких словес» языком. Именно потому они вошли в духовную жизнь армян, стали для них крылатыми фразами, афоризмами. Однако по переводам, помещенным в русских изданиях Туманяна вплоть до самой середины 60-х годов, читателю невозможно было составить верное представление об их поэтической ценности. Так, в целом ряде переводов, выполненных в 30-е годы, налицо явные черты буквализма. Нет даже нужды сравнивать с оригиналом, чтобы убедиться в отсутствии поэзии в таких, например, строках:

*Куда – как знать – мы попали!
 Гостить и ждать – вдруг попали.
 Когда же нет любви в сердце,
 В огонь пылать зря попали¹⁹.*
 (пер. Ю.Верховского)

И в переводах последующих десятилетий, сделанных в основном стихами посредственными, не передающими ни глубины, ни художественности оригиналов, встречались ещё и случаи неверного истолкования, искажения смысла подлинника.

В переводах не только утрачивалась основная идея четверостиший, но и не сохранялись особенности их стиля. В них можно встретить неуместное использование устаревших слов («**Намедни** мне во сне овцой \\\\ Задан был вопрос такой» - пер. О. Румера; «Я **мирской** рукой зажжен – пер. К. Липскерова). Неудача многих русских переводов четверостиший объясняется еще и тем, что переводчики стремились во что бы то ни стало сохранить ритмический рисунок, длину строки оригинала. В результате туманяновские стихи, отмеченные печатью глубокого раздумья, облекались в «частушечные», плясовые ритмы. Сравним оригинал и перевод К.Липскерова:

<i>Երիզուհիսի սի սարի</i>	<i>Мне во сне одной овцой</i>
<i>Սուրբի եկալի հարցումսի.</i>	<i>Задан был вопрос такой:</i>
<i>- Աստված ցահի քո որդիս,</i>	<i>- Бог храни твое дитя!</i>
<i>Ո՞ր էր հալը իս ձագի... (2, 22)</i>	<i>Был ли вкусен агнец мой?²⁰</i>

¹⁹ Туманян Ов. Избранное. М., 1937, с. 33.

²⁰ Туманян Ов. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., 1960, с. 208.

Естественно, в подобных стихах поэзия оказывалась совершенно «убитой». Необходимо было «реабилитировать» туманяновские четверостишия, заново открыть их русскому читателю. Эту труднейшую задачу Л. Мкртчян доверил Гребневу.

Чтобы воссоздать глубину и силу оригиналов, Гребнев прежде всего творчески подошел к выбору ритмического рисунка. Он не стал копировать размеры. Он воссоздавал четверостишия в такой ритмико-интонационной структуре, которая помогла бы максимально выразить их раздумчиво-философский характер, «спрессованность» мыслей, чувств, эмоций. Естественно, выбирая для переводов подходящую ритмико-интонационную структуру, удлиняя порой строки, Гребнев не мог лексически дословно воспроизводить подлинник: здесь он также позволяет себе определенную свободу, но в тех рамках, о которых он говорил в указанной беседе с Л. Мкртчяном. Сравним с оригиналом перевод еще одного четверостишия:

<i>Հիւնքը հեռու մի անկյուն,</i>	<i>О чем я думаю, что нужно мне?</i>
<i>Հիւնքը մանկան արդարքուն,</i>	<i>Мне б уголок от шума в стороне,</i>
<i>Երազի մէջ երջանիկ,</i>	<i>Где род людской без войн, вражды</i>
<i>Հաշտ ու խաղաղ</i>	<i>и злобы</i>
<i>մարդկություն (2, 28)</i>	<i>Я мог бы видеть в тихом детском сне...</i>
	<i>(1, 148)</i>

Первая строка здесь дописана Гребневым, ее нет в оригинале. Но это – творческое решение. Просто мысль Туманяна уместилась в три строки перевода, а форма четверостишия – строгая... Главное, что первая строка вовсе не режет слух, она не чужда оригиналу в целом, потому что эта мысль есть в его контексте и подтексте. Отметим, однако, что в армянской литературной среде подобные отклонения не всегда воспринимались с пониманием. То, что Гребнев, порой удлиняя стихи, вносил в них отдельные слова или фразы, отсутствующие в оригинале, всякий раз считалось явным недостатком. И поскольку некоторые четверостишия в его переводе уже появлялись на страницах периодики, а еще за год до юбилея, в 1968 году, в Ереване вышла в свет под редакцией Марии Петровых небольшая книжка гребневских переводов четверостиший, она вызвала в целом негативную оценку ряда армянских литературоведов. Наша небольшая рецензия, в которой высоко оценивались эти переводы²¹, вызвала их горячий протест (не считая необходимым сегодня называть их имена). Отрицательные отклики на гребневские переводы были опубликованы в армянской литературной газете «Гракан терт», возникла и полемика, в которой принял участие Левон Мкртчян, отстаивающий право переводчика на некоторые замены. Но про-

²¹ Джанполадян М. Мастерство и вдохновение. «Коммунист», Ер., 1969, 4 апреля.

должали высказываться мысли, что нельзя эти переводы помещать в юбилейном трехтомнике, надо предложить перевести четверостишия другим переводчикам. Окончательное слово в этом вопросе сказала Мария Петровых как редактор первого тома русского трехтомника. Она защищала переводы Гребнева и ввела их (подвергнув некоторые определенной редакции) в юбилейное ереванское издание 1969 года²².

Конечно, не все переводы четверостиший получились у Гребнева одинаково удачными. Но лучшие переводы (а таковых большинство) впервые открыли русскому читателю этот жанр поэзии Туманяна, глубину и богатство, лаконизм и афористичность его творческой мысли. Четверостишия Туманяна в переводе Гребнева можно цитировать как высокие образцы поэзии – это их главное достоинство. И, оценивая в целом работу Гребнева – переводчика четверостиший, нужно, как и в случае с Кучаком, исходить не из отзывов тех армянских критиков, которые, по словам Л. Мкртчяна, «не чувствовали русское слово, русский стих, требовали переводов буквальных, мертвых слепков с оригинала»²³, а из отзывов русских читателей. Сошлемся поэтому на мнение об этих переводах такого авторитетного русского читателя, как Корней Чуковский, – тонкий знаток переводческого дела, автор блестящей книги о художественном переводе «Высокое искусство». Прочитав в переводе Гребнева четверостишие «В наш мир, где тьма людей перебивала...», Чуковский заметил, что «одно это четверостишие может стать темой большой диссертации», ибо в нем он прочел мысли поэта «о вечно обновляющейся жизни отдельных людей и народов», раздумья «над природой исторических событий». А четверостишие:

*Стал много совершенней белый свет:
Стал лишь убийцей бывший людоед.
Он – полузверь, ему до Человека
Еще не меньше миллиона лет... (1, 154)*

Чуковский охарактеризовал как «всеобъемлющую формулу для всяких фашизмов, настоящих и будущих»²⁴. «Я до сих пор не мог представить себе, – писал Чуковский, – что найдется искусник, которому удастся передать на другом языке всю поэтическую прелесть и железную лаконичность афоризмов поэта-мудреца. ...Будем же благодарны Науму Гребневу за то, что он с обычным своим мастерством донес до нас эти четверостишия»²⁵.

²² См. об этом: **Джанполадян М.** Работа Левона Мкртчяна над «русским» Туманяном. – В кн.: «Пусть не гаснет свет в окне Левона». Ер., 2004, с. 230-232., а также в кн.: **Мкртчян Л.** Так назначено судьбой. Заметки и воспоминания о Марии Петровых. Письма Марии Петровых. Ер., 2000, с. 60-62.

²³ **Мкртчян Л.** Так назначено судьбой, с. 61.

²⁴ **Чуковский К.** «...И первой – первая любовь». В сб.: «Туманян – 100. Юбилейная летопись». с. 286-287.

²⁵ Там же.

1969-й год был ознаменован для Гребнева не только переводами к юбилею Туманяна. В том году впервые на русском языке вышла в свет в его переводах небольшая книжка поэта X века Григора Нарекаци, где были помещены три духовные песни (таги) и шесть глав из поэмы «Книга скорби» (на русском языке поэму называют и «Книга скорбных песнопений»).

Две песни Нарекаци были помещены еще в антологии «Поэзия Армении» (М., 1916) в переводах самого Брюсова. А «Книга скорби» не была известна русскому читателю. В середине 60-х у Л. Мкртчяна зародилась идея перевести поэму – хотя бы в отрывках – на русский язык. Совместно со знатоком древнеармянского языка (грабара) и переводчиком «Книги скорби» на современный армянский Вазгеном Геворкяном он в 1966 году сделал подстрочники нескольких глав и отослал их поэтам-переводчикам. На просьбу Л. Мкртчяна откликнулись В. Звягинцева, Вл. Державин, Вл. Рогов. Отдельные фрагменты их переводов были опубликованы в периодике. Все переводчики сохранили особенности формы оригинала – свободный, нерифмованный стих, и каждый из них постарался по-своему воссоздать строки гениального армянского поэта. Но, к сожалению, никому из переводчиков не удалось передать поэтическую мощь, художественную силу поэмы²⁶. И в 1967 году Л. Мкртчян предложил перевести отрывки из «Книги скорби» Науму Гребневу.

Свой основной принцип – воссоздавать высокую поэзию оригинала столь же высокой поэзией, используя для этого все средства, способствующие достижению желаемого художественного результата, – Гребнев воплотил в работе над переводом «Книги скорби». О своих творческих поисках он рассказал в статье «Поэтическая археология»: «Должен признаться, я был одержим многими сомнениями, ища поэтическую форму для перевода. ...Я пробовал быть предельно близким к форме подлинника – и у меня ничего не получилось. Мне кажется, что на русском языке свободный стих (верлибр) не прижился. Я не берусь утверждать, что этот стих вообще несвойствен русскому языку. Но единичные исключения, удачи скорее подтверждают скептицизм, нежели опровергают. Так или иначе, но моя попытка перевести Нарекаци свободным стихом не удалась. Получился «модерн» - не восточный, а западный, не передававший ни аромата старины, ни духа произведения»²⁷. Поиски привели Гребнева к неожиданному и достаточно смелому решению: передать свободный стих Нарекаци метрическим рифмованным стихом. Переводчик отказался от свободного стиха, потому что «в разных языках одна и та же форма несет на себе неодинаковую стилевую и эмоциональную нагрузку»(с.294), по-

²⁶ Подробный анализ этих переводческих попыток дан в нашей монографии: **Джан-поладян М.** «Книга скорби» Нарекаци в русских переводах и критике. Ер., 2012, с. 16-29.

²⁷ **Гребнев Н.** Поэтическая археология. В сб.: «Художественный перевод. Взаимодействие и взаимообогащение литературы». Ер., 1973, с. 294. Далее страницы в тексте.

тому что нерифмованный стих вряд ли был бы воспринят русским читателем с той мерой естественности, с какой воспринимается оригинал. А стих, более органичный традициям русской поэзии, придал бы переводу столь необходимую естественность звучания.

Однако этим решением не исчерпывались проблемы, связанные с воссозданием формы оригинала. Надо было подобрать соответствующую ритмико-интонационную структуру, тот размер, который позволил бы художественно адекватно воспроизвести древние, величественные строки Нарекаци. Гребнев остановился на пятистопном ямбе. Во-первых, данный размер придал бы стиху необходимый налет классичности, дух и аромат старины. Во-вторых, он позволил бы, как заметил переводчик, передать «торжественность и значительность подлинника. А главное – передать смысл и **эмоциональную** (выделено автором – М.Д.) силу Нарекаци» (с.295). Очень важно и то, что этот строгий классический размер интонационно соответствовал мерному, возвышенному звучанию оригинала.

Так строками пятистопного ямба был воссоздан текст поэмы, и зазвучал он, подобно подлиннику, молитвенно, величаво. Свидетельство тому – любой отрывок гребневского перевода. К примеру, этот:

*Меня, земною тронутого скверной,
Услышь, о Боже, со своих высот.
Возьми залог моей мольбы усердной
И дай мне благодать своих щедрот.
...Меня, мой благодетель совершенный,
Хоть жалости не стою, пожалей,
И вместо меди звонкой, но презренной
Даруй мне золото милости своей.
Не повергай меня в смертельный страх
И не ожесточай мой дух скорбящий,
Не обреки бесплодным быть в трудах,
Как пахаря на почве неродящей.
Не дай мне лишь стенать, а слез не лить,
В мучениях рожать и не родить,
Быть тучею, а влагой не пролиться,
Не достигать, хоть и всегда стремиться,
За помощью к бездушным приходить,
Рыдать без утешенья и ответа,
Не дай мне у неслышащих просить.
Не дай, Господь, мне жертву приносить
И знать, что негодна жертва эта²⁸.*

²⁸ Перевод Н. Гребнева цит. по изданию: **Гр. Нарекаци**. Книга скорби (на древнеармянском и русском языках. Ер. 1977, сс.41,43. Цитаты из перевода сопровождаются указанием страниц.

И тем не менее, замена свободного стиха Нарекаци стихом рифмованным была слишком уж явным отклонением от подлинника... И в Армении это стало веской причиной неприятия перевода, даже без попыток проникнуть в содержание и эмоциональное воздействие гребневских строк. Думается, поэтому Л. Мкртчян в послесловии к книжке 1969 года вынужден был отметить это отклонение как недостаток. Подчеркиваем: вынужден, потому что перевод безусловно нравился ему (иначе книжка вообще не увидела бы свет). «Перевод Наума Гребнева, – писал он, – при несомненных своих достоинствах (крепкий, афористичный стих, верно передающий общее настроение «Книги скорбных песнопений») имеет один очевидный недостаток: перевод сделан рифмованным стихом, тогда как в подлиннике это свободный стих». Но тут же Мкртчян тонко «оправдывает» Гребнева, заметив: «Известно, однако, что русские поэты подлинник, не знаящий рифмы, в отдельных случаях передают рифмованным стихом». Напомнив о стихотворном переложении Н.Заболоцкого «Слова о полку Игореве», автор в примечаниях ссылается на авторитетнейшее мнение академика Д.Лихачева о том, что это переложение – «одно из лучших в русской поэзии». «И все-таки, – заключает Мкртчян, – «Книгу скорбных песнопений» правильнее было бы передать на русском языке верлибром»²⁹.

С этим выводом полемизировал критик Станислав Рассадин, опубликовавший в 1971 году статью о Нарекаци с характерным названием: «Плюс десять веков». Автор целиком поддержал смелое переводческое решение Гребнева. «Верлибр не чужд нашей современной поэзии, – писал он. – ...О классической русской поэзии этого не скажешь». По мнению критика, «Книга скорби» не могла быть воссоздана ни старинным русским свободным стихом (так как он всецело зависит от уже отмерших форм синтаксиса и лексики, и тогда получился бы перевод «с одного древнего языка на другой, тоже требующий перевода»), ни современным верлибром, который «главным образом связан с влиянием на нас поэзии Запада», а «...сделать Нарекаци последователем реформаторов Уитмена и Аполлинера было бы ошибочно». Что касается мысли Мкртчяна о том, что правильнее было бы перевести поэму верлибром, Рассадин заметил: «Я бы сказал иначе. Желательно, чтобы был сделан и иной перевод Нарекаци, может быть, и перевод свободным стихом. Он выполнил бы **роль преимущественно историческую, в то время как перевод, подобный гребневскому, выполнял бы роль эстетическую (по-моему, первоочередную), был бы чтением**»³⁰(выделено нами – М. Д.).

Конечно, можно придерживаться различных мнений о том, правильно

²⁹ Мкртчян Л. О Григоре Нарекаци. Послесловие к кн.: Григор Нарекаци. Стихи. Книга скорбных песнопений (отрывки). Ер., 1969, сс.48-50.

³⁰ Рассадин Ст. Плюс десять веков.– В сб.: «Мастерство перевода 1971». М., 1971, с. 81-82.

ли было свободный стих Нарекаци воссоздавать метрическим рифмованным стихом. И проще всего однозначно признать неправоту Гребнева, дерзнувшего изменить форму оригинала. Но если подходить к переводу с точки зрения его художественной, эмоционально-эстетической адекватности подлиннику, то, на наш взгляд, именно благодаря смелому творческому решению Гребнева ему удалось вдохнуть живую жизнь в строки Нарекаци.

В рамках избранного переводчиком ритмико-интонационного рисунка необходимо было воссоздать лексико-стилистическое своеобразие оригинала. Гребнев переводил по подстрочникам сотрудницы Матенадарана Маргариты Дарбинян. Он сумел, сохраняя дистанцию времени, воспроизвести древние песнопения Нарекаци живым современным языком, в котором умело и в меру использованы библеизмы, архаизмы, высокие слова. Это позволило воссоздать дух эпохи, колорит старины, избежать опасной модернизации, создавая одновременно стихи волнующие, живые, сохраняющие свою эмоциональную силу:

*Господь неизреченный и нетленный,
Понеже все мы под Твоей рукой,
Прости, и дух мой, бурею смятенный,
Скорее укрепи и успокой.
... И этих скорбных песнопений слово
Услышь, не усомнись в моей мольбе,
И не отвергни, Господи, сурово
Молитву, обращенную к Тебе.
Мои слова, как ладан благовонный,
Прими, Господь, и мир мне принеси.
И как пророка своего Иону,
От чудищ и от бурь меня спаси! (с. 403)*

В своей статье о Нарекаци Ст. Рассадин пишет, что, с его точки зрения, большой удачей гребневского перевода является «точное соотношение старины и современности, не приносящее ущерба ни тому, ни другому. ...Не прибегая к архаической подчеркнутой тяжеловатости, ...переводчик избегает и явной модернизации, которая разрушила бы художественную иллюзию»³¹, – отмечает критик. Эти слова точно раскрывают подход Гребнева к переводу. Всюду – не только в тех местах поэмы, где религиозность выражена особенно сильно, но и в тех, которые дышат реальным жизненным содержанием, он старается переводить без «архаической подчеркнутой тяжеловатости». Гребнев верен *сути* переводимых строк, отрывка в целом, но не каждому слову и образу в отдельности. Конечно, если сверять его перевод с подлинником или с подстрочником, нельзя не обнаружить определенных потерь лексического плана. Но, как известно,

³¹ Там же, с. 85.

перевод художественный без потерь невозможен. Достоинством работы Гребнева является то, что, хотя не везде ему удалось воспроизвести отдельные образы Нарекаци, его перевод дышит высокой поэтичностью подлинника, передает неисчерпаемую глубину его философской мысли, его эмоциональный накал:

*Узри, о Боже, взор мой безутешный
И сердце, что раскрыл я пред Тобой.
На путь наставь мой разум многогрешный,
Но будь целителем, а не судьей.
Неверью и сомненьям нет предела,
Но чтоб греха избежать, дай мне сил.
Мой дух еще не отрешен от тела,
И страшен грех, что тело осквернил.
...Мы, смертные, пленяемся ничтожным,
И не умеем мы глядеть вперед.
И в поединке истинного с ложным
Неистинное чаще верх берет.
И боль утрат идет вослед за нами,
И всюду тьма, и пелена у глаз.
И приговор возмездья пишет память
В суде сознания каждого из нас. (с. 81, 83)*

В переводе Гребнева художественно адекватно воссоздана также одна из характерных особенностей оригинала – огромное количество сравнений, развернутых метафор, образов, используемых для раскрытия какой-либо одной мысли. «То, что у другого писателя воспринималось бы как простое повторение, у Нарекаци выражает богатство и сложность содержания стиха и обусловлено смысловой и эмоциональной переполненностью монологов»³², – замечает Л. Мкртчян. Подобные синонимические ряды (поскольку все они развивают одну и ту же мысль), в которых использованы образы и сравнения самых разных стилистических пластов, порой занимают в оригинале более страницы. Гребнев блестяще справился с этой трудностью. Приведем лишь часть фрагмента (он состоит из 56 строк), где герой терзается от собственного несовершенства, от своей греховности, от того, что всё истинно прекрасное и чистое обернулось в жизни и в самом человеке своей отрицательной, темной стороной:

*...Божественный завет я позабыл,
Указанный запрет я преступил.
Я – дичь, не избежавшая стрелы,
Бежавший раб, упавший со скалы,
Я – узник, чей конец наступит вскоре,*

³² Мкртчян Л. Мятежный гений. Предисловие к кн.: Григор Нарекаци. Книга скорби. Ер., 1977, с. 26.

*Морской разбойник, что утонет в море,
Я – робкий ратник, я – свидетель лживый,
Нестойкий латник, пахарь нерадивый,
Священник, презирающий амвон,
Законник, попирающий закон,
Звонарь церковный, невпопад звонящий,
Я – проповедник, смутно говорящий,
Я – взгляд, который неприятен людям,
Ужасен ликом я и сердцем скуден,
Я – прерванная трапеза хмельная,
Я – праздник жалкий, красота смешная,
Я – сад, который высох и заглох,
Я – жнец, который жнет чертополох,
Сажаящий крапиву садовод,
Мышам доставшийся пчелиный мед... (с. 355, 357)*

Трагические стенания армянского поэта X века, его острые до боли мысли о противоречиях жизни; о двойственности, раздробленности человеческой натуры, его высокая мечта о совершенстве – все это открылось всесоюзному читателю благодаря переводу Гребнева. Примечательно, что после издания маленькой книжки 1969 года в русской критике появилось о ней столько откликов, что они составили целый сборник, изданный Л. Мкртчяном в 1974 г. – «Читая Нарекаци», причем в сборник вошли не только статьи, но и стихи, посвященные Нарекаци, – свидетельство глубокого эмоционального воздействия гребневского перевода.

Поскольку Гребнев продолжал работу над переводом³³ (в целом он перевел 46 глав), по мере публикации новых глав возрастало и число откликов. И в 1997 г. Л. Мкртчян издает еще один сборник с таким же названием. Во второе издание вошли и отклики музыковедов на произведение выдающегося композитора Альфреда Шнитке – «Концерт для смешанного хора в четырех частях» (1985), созданный на текст Нарекаци в переводе Гребнева. Именно данный перевод вдохновил Шнитке. «Я написал ту музыку, которую вызвал этот текст, а не ту, которую хотел сам»³⁴, – говорил композитор о своем произведении.

Гребнев мечтал создать полный перевод поэмы. В одном из писем 1982 г. (оно, к сожалению, не датировано и конверт письма не сохранился, но Гребнев здесь благодарит нас за статью о его переводе Нарекаци, опубли-

³³ В составленную Л. Мкртчяном антологию «Армянская средневековая лирика» (Л., 1972, под ред. М. Петровых) вошло 11 новых глав из поэмы; в издание «Книги скорби» на древнеармянском и русском языках (Ер., 1977) было включено еще 25 новых глав (редактор перевода – М. Петровых); в осуществленное Л. Мкртчяном издание «Книги скорби» в гребневском переводе (Ер., 1998) вошли еще 4 новые главы. В двуязычном издании «Книги...» 2009 г. (сост. К. Саакянц) внесены отдельные правки, кот. Гребнев ввел в машинописный текст своего перевода после его публикации (этот текст с правками был любезно предоставлен семьей переводчика).

³⁴ Сб. «Читая Нарекаци», Ер., 1997, с. 153.

ликованную в журнале «Литературная Армения», - 1982, № 4) он пишет: «Моя мечта по-прежнему – перевести Нарекаци до конца. Может быть, эта мечта и осуществится, но это зависит не только от меня». Гребнев писал об этом, уже будучи осведомленным о том, что договора на полный перевод поэмы заключены с другими переводчиками. Ведь, как отмечалось, в Армении его рифмованный перевод свободного стиха Нарекаци расценивался как грубое отклонение от подлинника. Первая же рецензия, опубликованная в Ереване после издания книжки 1969 года, была отрицательной, и называлась она «Горе от умствования» (газета «Комсомолец», 1969, 10 сентября). И в последующие годы в армянских литературных кругах, в издательствах превалировало мнение о том, что нельзя доверять Гребневу полный перевод «Книги скорби». Это причиняло переводчику непреходящую боль. Вот строки его письма от 19 января 1982 года: «К сожалению, мой роман с Арменией не удался. Я даже не знаю точно, по какой причине. Но любовь эта 7(+6) лет без взаимности. Впрочем, первое время мне казалось, что взаимность была. А потом прошла. Что делать? Выражаясь словами поговорки, «насильно мил не будешь». Конечно, я хотел закончить перевод Нарекаци, но если не получилось, что ж: я свое дело сделал. Может быть, действительно другие сделают это лучше меня. Дай Бог». И еще – строки из письма от 12.04.1982: «Что касается благодарности и неблагодарности, время, как Вы пишете, рассудит. Во всяком случае, Нарекаци переводят другие... Я искренне желаю, чтобы новые переводы были лучше моих, но по моим понятиям это мое пожелание пока не сбывается»³⁵.

В начале 80-х были заключены договора на полный перевод поэмы Нарекаци с Леонидом Милем (изд-во «Советакан грох») и с Владимиром Микушевичем (изд-во «Художественная литература»). Перевод Л. Милия был издан в Ереване в 1984 г.; перевод В. Микушевича – в 1985 г. в Москве. Спустя некоторое время после выхода в свет этих переводов они были проанализированы и оценены в статье Л. Мкртчяна «Не все надежды сбываются» (о переводе В. Микушевича, «Литературное обозрение», М., 1987, № 6) и в нашей статье – «О переводах, закрывающих оригинал» (о переводах Л. Милия и В. Микушевича, «Литературная Армения», 1987, № 12)³⁶. Названия этих статей говорят сами за себя...

* * *

Григор Нарекаци, Наапет Кучак, Ованес Туманян – три гения армянской литературы обрели новую «русскую» жизнь благодаря переводам Наума Гребнева. Но этим отнюдь не ограничивается его огромный вклад в область переводов на русский язык армянской поэзии. В 1970 году вы-

³⁵ Письма Н. И. Гребнева хранятся в нашем архиве.

³⁶ Статья Л. Мкртчяна впоследствии вошла в его книгу «Если бы в Вавилоне были переводчики». (Ер., 1987, с. 389-408) наша статья – в книгу «Когда строку диктует чувство...» (Ер., 2006, с. 155-177) и в нашу вышеуказанную монографию (Ер., 2012), с. 61-89.

ходит в его переводах сборник «Прапесня»³⁷, удостоившийся высокой оценки русской критики³⁸. В 1972 г. в Ленинграде, в Большой серии «Библиотеки поэта» издается составленная Л. Мкртчяном антология «Армянская средневековая лирика», где переводы Н. Гребнева составляют подавляющее большинство. Причем это не только тексты, которые были ранее изданы. В сравнении с предшествующими антологиями армянской поэзии на русском языке (брюсовская «Поэзия Армении» 1916 г., «Антология армянской поэзии» 1940 г.) многие образцы поэзии средневековья, до этого неизвестные русскому читателю, были переведены Гребневым впервые специально для ленинградского издания (произведения Давтака Кертога, Ованеса Саркавага, Хачатура Кечареци, Нерсеса Мокаци, Петрося Капанци и др.), а целый ряд уже опубликованных в названных антологиях переводов был заменен новыми, гребневскими. Эти переводы еще раз продемонстрировали широту творческого диапазона переводчика, его умение воссоздавать поэтическую индивидуальность самых разных авторов. Гребнев в естественной (но отнюдь не однообразной!) интонации, яркими, запоминающимися стихами донес до своего читателя обличительную силу творчества «желчного» (определение В. Брюсова – М.Д.) Фрика, весеннюю свежесть и дыхание поэзии Костандина Ерзнкаци, философский характер раздумий о жизни и искусстве Ованеса Саркавага, яркую, страстную лирику Ованеса Тлкуранци. Все эти работы – предмет отдельного разговора и анализа, не уместающихся в рамки данной статьи. Приведем лишь небольшой отрывок из ранее переведенного В. Брюсовым стихотворения поэта XIII-XIV вв. Фрика «Жалобы». Гребневский Фрик зазвучал с той же афористической силой, что и в оригинале. Невозможно не запомнить строки, в которых искренне верующий поэт, обращаясь к Богу, недоумевает: почему жизнь так несправедлива?

*Жизнь одному кошель раздула,
Другому лишь суму швырнула.
У одного – табун коней,
А у другого нет и мула.
Одним судьба дарит палаты,
Другим – на рукава заплаты.
Одним жалеет медяка,
Другим дарует горы злата.
...Не ты ли разделил, владыка,
Весь мир на малых и великих,
Чтобы один в довольстве жил,
Другой чтоб вечно горе мыкал?*³⁹

³⁷ Из письма Л. Мкртчяну от 11 марта 1968 г. становится известно, что он в то время еще продолжал работу над армянским песенным фольклором (с. 38 указ статьи К. Саакянц)

³⁸ См.: Пистунова А. Труби, журавль. «Дружба народов», 1971, № 12, с. 274-275.

³⁹ «Армянская средневековая лирика». Л., 1972, с. 238-239.

Известный украинский поэт Леонид Первомайский, получив от Мкртчяна книгу «Армянская средневековая лирика», ответил ему благодарственным письмом от 8 июля 1972 г., где писал: «Наапета Кучака я все время перечитываю... Ему очень повезло. Переводы Гребнева – верх совершенства... Впрочем, это относится не только к айренам Кучака, но и к «Книге скорбных песнопений» Нарекаци. Армянскую поэзию можно поздравить с великолепным интерпретатором, мастерству которого можно позавидовать!»⁴⁰.

В переводческом наследии Гребнева, связанном с армянской поэзией, есть еще одна страница: стихотворения Амо Сагияна. В письме Мкртчяну от 5 октября 1968 г. Гребнев сообщает о предложении Г.Регистана перевести для московского сборника Сагияна ряд стихотворений. «Он сказал это робко, – пишет Гребнев, – зная, что я кусочки не перевожу. Помня твои добрые слова об Амо, я все же взял подстрочники из любопытства. Стихи прекрасны. Давно я не читал ничего современного, что бы мне так понравилось» (К. Саакянц, с. 39). В результате родились переводы, в лучших из которых воссоздана такая своеобразная сагияновская манера письма... Переводы Гребнева вошли и в московский сборник Сагияна «Перед закатом» («Советский писатель», 1969), и в ереванский «Годы мои» («Айастан», 1971). Переводы эти тоже требуют отдельного рассмотрения. Отметим только, что сам Амо Сагиян высоко ценил Гребнева как переводчика. «Для меня Наум Гребнев прежде всего – поэт, – писал он. – Он очень талантлив, щедр и артистичен. И потому что он поэт, он – первоклассный переводчик. Переводами Гребнева зачитываются. ...Я благодарен ему за его переводные книги, благодарен за переводы моих стихов»⁴¹.

* * *

Вспоминается переведенное Наумом Гребневым восьмистишие Расула Гамзатова:

*Слава, не надо, не трогай живых,
Что ты о людях знаешь?
Даже сильнейших и лучших из них
Ты иногда убиваешь.
Слава, ты мертвым нужней, чем живым,
Им ты не мешаешь.
Мертвых горячим дыханьем своим
Ты навсегда воскрешаешь*⁴².

⁴⁰ Цитируется по кн.: Мкртчян Л. Свет есть добро. Ер., 1981, с. 219.

⁴¹ Отрывок из слова А. Сагияна к 50-летию Н. Гребнева приводится по указ. статье К. Саакянц «Из архива Левона Мкртчяна. Письма Наума Гребнева Л. Мкртчяну», с. 50. Как отмечает автор, в архиве Мкртчяна сохранился машинописный текст переведенного им сагияновского слова. Полностью текст приведен в данной статье.

⁴² Гамзатов Р. Высокие звезды. М., 1962, с. 141.

И сегодня, в 2018 году – году 30-летия ухода Наума Гребнева из жизни, можно с уверенностью сказать: как бы ни складывались в земной жизни Наума Исаевича ситуации с оценкой его переводов армянской поэзии, но свою посмертную славу он, несомненно, обеспечил и этими переводами. Их заучивают наизусть, их цитируют... Это ли не бессмертие, это ли не его горячее дыхание, оживающее в переводных строках?

Ключевые слова: *Гребнев, армянская поэзия, Кучак, Нарекаци, Туманян, переводческие принципы, творческий подход*

ՄԱԳԴԱ ՋԱՆՓՈԼԱԴՅԱՆ – Նաում Գրեբնևը հայ պոեզիայի թարգմանիչ - Հոդվածում ներկայացվում և բնութագրվում են հայ պոեզիայից Ն.Գրեբնևի կատարած թարգմանությունները: Բացահայտված են Գրեբնևի թարգմանչական սկզբունքները: Մանրամասն վերլուծվել և գնահատվել են Քուչակի հայրենների, Թումանյանի մի շարք ստեղծագործությունների, հասկապես քառյակների, Գր. Նարեկացու «Մատյան ողբերգության» պոեմի որոշ գլուխների թարգմանությունները: Նշված են նաև Գրեբնևի միջնադարյան հայ քնարերգությունից ուրիշ թարգմանություններ: Ընդհանրացվում է, որ իր բարձր գեղարվեստականությամբ օժտված թարգմանություններով Ն. Գրեբնևը ռուս ընթերցողին ներկայացրեց հայ պոեզիայի լավագույն էջերից շատերը:

Բանալի բառեր – *Գրեբնև, հայ պոեզիա, Քուչակ, Նարեկացի, Թումանյան, թարգմանչական սկզբունքներ, ստեղծագործական մոտեցում*

MAGDA JANPOLADYAN – Naum Grebnev – translator of Armenian poetry. – The article features Naum Grebnev’s translations of Armenian poetry. Grebnev’s translation principles are presented, translations of Kuchak hairens (couplets with a single coherent theme), a number of works from Hovhannes Tumanyan, in particular the quatrains, as well as the chapters from Narekatsi “Book of Lamentation” are analyzed in detail. The translations by Grebnev of other poets of Armenian Middle Ages are also mentioned. It is noted, that, through his highly artistic translations, Grebnev revealed numerous pages of Armenian poetry to the Russian readers.

Key words: *Grebnev, Armenian poetry, Kuchak, Narekatsi, Tumanyan, translation principles, artistic approach*